

БРАВЫЙ СОЛДАТ ШВЕЙК СНОВА В ПРАГЕ

Леонид КОРНИЛОВ,
Эдуард ЦЕРКОВЕР
(«Известия» — «Неделя»),
Эман УГЕР
(«Руде право») — фото

Прага и прежде была щедра на изображения Швейка, а уж сегодня они — рисованные, вышитые, изваянные, отпечатанные и даже испеченные или выведенные сладким кремом — во многих витринах, в любом киоске, на окнах и стенах, рекламных тумбах и стендах. Прага празднует столетие своего певца, лукавого и насмешливого, своего гражданина, справедливого и взыскательного, своего революционера, коммуниста-большевика Ярослава Гашека. Звучит бравурная музыка над Вацлавской площадью, цветут Сады под Градом, уезжает на юбилейный фестиваль в Гашково Липнице, где писатель провел последние дни жизни, делегация литераторов, гашековедов. А мы с чешскими друзьями-журналистами собираемся в редакции газеты «Руде право», в которой печатался Ярослав Гашек, и отсюда начинаем свой путь по Праге.

Солнце согрело омытую утренним дождем брусчатку Градчанской площади, поднялся легкий туман, и вдруг из него вышла навстречу очень знакомая фигура... Сомнений не оставалось, то был * один из скромных героев, не завоевавших себе славы Наполеона, но при внимательном анализе их слава затмила бы даже славу Александра Македонского. Он скромно идет своей дорогой, ни к кому не пристает, и к нему не пристают журналисты с просьбой об интервью... Впрочем, сегодня ему придется давать интервью!

— Здравствуй, столбашенная злата Прага! — восклицал тем временем бравый солдат Швейк с несвойственной ему лирической патетикой. — Здравствуйте, Градчаны и Малая Страна, Вышеград и Винограды, Старе и Нове Место, Жижков и Смихов, Карлин и Бубенец, Голешовице и Бубны! — Перечислив городские районы, он перевел дух и с новой силой продолжил: — Здравствуйте, милые мои «У чаши» и «У флеку», «У ката» и «У золотого венка», «Куклик» и «Беседа», «Шуги» и «Общий дом»...

Мы позволили себе заметить, что полностью понимаем и разделяем охватывающие его чувства.

— Осмелюсь доложить, возвращение домой всегда волнует, — ответил Швейк.

Однажды в трактире «У ремиза» садовник Йозеф Календа из Страшниц побился об заклад с одним трамвайным вагоновожатым, что в три недели совершит пешком кругосветное путешествие. Первый привал он устроил у «Черного пивовара», отсюда пошел в пивную к «Святому Томашу», сделал останки «У Монтаго», «У брабантского короля», в «Прекрасном виде», а на Лоретанской площади на него напала такая тоска по родине, что он стал кричать: «Люди добрые, дальше не пойду! Начхать мне на это кругосветное путешествие!»

Мы предложили Швейку совершить совместную прогулку по Праге. Он охотно согласился.

— Я раз за одну ночь побывал в двадцати восьми местах, — сообщил он, — но, к чести моей будь сказано, нигде больше трех кружек пива не пил... Только давайте постепенно, чтобы вы могли ясно представить себе происходящее, как говорил сапожник Петрлик, когда приказывал своему мальчишке скинуть штаны, перед тем, как выдрать его ремнем.

После продолжительных дебатов сошлись на том, что логичнее и целесообразнее всего наведаться для порядка в славное заведение «У чаши», с которого начинается всемирно известный роман Гашека. Тут мы между прочим спросили, знал ли лично Швейк воспевшего его мастера слова и сюжета.

— Гм... озадаченно произнес Швейк. — Ярослав, говорите? Вообще-то я был знаком только с одним писателем — Ладиславом Гаеком из Домажлиц: он в трактире читал свои рассказы, такие печальные, что все со смеху умирали, а он плакал и платил за всех... Впрочем, бывали здесь и вполне пристойные парни, например, ваш брат-репортер. Один посетитель «У чаши» выкинул такой номер: подбросил вверх пивную кружку, а голову подставил. Его увезли, а утром мы уже об этом читали в газетках.

В главном зале «У чаши» наш спутник сразу подошел к засиженному мухами портрету императора Франца Иосифа.

— Говорил мне тут один посетитель, что придет время — эти императоры полетят один за другим, и даже государственная прокуратура им не поможет, — сказал Швейк, растроганно глядя на портрет. — В библиотеке Музея на Вацлавской площади я в одной книжке вычитал, что некогда в великой битве пал король со своим верным конем; из обоих набили чучела и поставили в Музей.

Появление Швейка не прошло незамеченным даже на фоне имперских мундиров, в которых официанты «У чаши» обслуживают посетителей. Почетного гостя торжественно встретил директор ресторана Йозеф Слук, который пригласил нас в зал-салон художника Йозефа Лады, друга Гашека. Там Швейк и директор сфотографировались на память. Швейка осенила мысль назвать этот снимок философски: «Ты Йозеф, и я Йозеф».

— Как тебе нравится твой портрет? — спросил директор.

— Ничего, — благожелательно ответил Швейк. — Производит очень симпатичное впечатление, словно только что полученная из котильни колбаса.

— Не пора ли обедать? — осведомился директор.

— Обедать всегда пора, — сказал Швейк. — Вспомним того телефониста на «Титанике», который, когда корабль уже шел ко дну, еще телефонировал в затопленную кухню: «Когда же будет обед?»

Мы стали убеждать бравого солдата, что было бы ошибкой провести весь день «У чаши», когда впереди целая Прага.

— Да, — согласился Швейк. — На ошибках учимся. Вот, например, литейщик Адамец из Даньковки: по ошибке выпил соляную кислоту.

Мы привели Швейка к ближайшей станции метрополитена, затащили на эскалатор, в вагоне усадили на мягкий пассажирский диван. И объяснили ошеломленному герою, что подземные линии, проложенные с участием московских метростроевцев, соединяют теперь четыре дальних конца города и что в экспрессе метро путь, занимавший больше часа, одолевается за 15 минут. Выйдя на конечной станции «Космонавтов», мы замерли в предвкушении его оценки.

— Осмелюсь доложить, аналогичный случай был в Чешских Будейовицах... — начал было Швейк и безнадежно замолчал. Аналогичного случая в Чешских Будейовицах пока еще не было, а во времена Швейка не было вообще нигде.

— Поедем в центр, посмотрим новый Дворец культуры, — предложили мы.

Этот дворец из стекла, стали и бетона, величественное здание, в котором проводятся конгрессы и манифестации, вызвал у бравого солдата неожиданную реакцию. Он сосредоточенно молчал, не без трепета разглядывая гигантские витражи и оригинальные конструкции, а потом стал оправдываться:

— Я тоже учился — аптекарскому делу, у пана Кокоски на Петршине... Когда я как-то по ошибке заправил бочку с бензином и у него сгорел дом, он меня выгнал. Из-за этой глупой бочки с бензином мне не удалось доучиться.

Угледев на городском горизонте стрельчатые башенные краны, мы отправились на одну из пражских новостроек. Когда пересекли Карлову площадь, Швейк узнал «Дом Фауста», окутанный мрачными легендами особняк, в котором в средние века жили алхимики. Пришлось сообщить, что теперь в этом «мистическом» доме расположен научный центр здравоохранения. Оставляя за собой последнее слово, Швейк пробормотал:

— Меня тоже однажды осматривал ветеринар, и кончилось все очень хорошо...

На стройке его сразу узнали: «Ребята, кто к нам пришел! Это же Швейк!» Бригада по такому случаю позволила себе маленький внеплановый перерыв. Окружив гостя, строители доказали, что не уступят ему по части остроты и прочего пражского фольклора. Подошел бригадир.

— Йозеф Гампл, — представился он. А мы добавили: Герой Социалистического Труда СССР, друг советского Героя Социалистического Труда Николая Злобина. Работает по зловинскому методу бригадного подряда.

— Рад пожать твою руку, — сказал Швейк бригадиру. — Ты Йозеф, и я Йозеф. Я из другого времени, но именно в твоём времени мне дышится вольно и весело... Был бы жив этот остроумный парень — Гашек, он поразился бы вместе с нами.

— Пойдем с нами встречать Первомай, Швейк! — сказала бригада. — Вот только бригадира в колонне пражских строителей

на этот раз не будет: Гампла пригласили к себе болгарские друзья, которые тоже работают по зловинскому методу, так что 1 Мая он встретит в Софии.

Швейк вопросительно посмотрел на нас, и мы, пользуясь тем, что уже были с ним «У чаши», все-таки не чужие ему люди, сочли возможным заметить:

— Аналогичного случая тогда тоже не было! Ни в Чешских Будейовицах, ни в Штирском Граце, ни в Лоденицах!

И тут Швейк подтвердил, что он в самом деле бравый солдат: не обиделся, расхохотался и попросил записать его в эту бригаду («Нужен же вам кто-нибудь опытный по части харча и пива...»).

В этот день и в этот вечер, поддерживая репутацию Швейка, мы побывали еще в двадцати восьми местах, но, к чести нашей будь сказано, нигде больше трех кружек пива не пили. Наведались в Театр на Виноградах, узнали, что на днях там премьера — «Швейк», в заглавной роли — артист Вацлав Слоуп. «Сложная у пана Слоупа задача, — посочувствовал Швейк. — Такой многоплановый образ...»

Мы так много говорили о дне 30 апреля, когда Ярославу Гашеку исполняется сто лет, что в конце концов Швейк заявил:

— Ни на одной странице романа обо мне вы не найдете имени моего папаша. Я, кажется, и сам его не помнил. Но отныне знаю: его имя — Ярослав. Только он не папаша. Он — создатель.

Подталкивая нас локтями и подмигивая, Швейк уверял:

— Если по-русски, то я — Йозеф Ярославич...

И, уже не помним, где — то ли «У златого месяца», то ли в «Адмирале», а может, «На Подоли», он провозгласил тост: — За начало второго столетия эры Гашека! Эры, которая будет длиться, пока на земле есть люди, которые понимают и любят юмор! Это вам говорит бравый солдат Швейк, а он знает, что говорит!

Осталось признать, что в роли Швейка для «Недели» снимался актер-любитель, предложенный для этого пражской киностудией «Баррандов-фильм», Леош Блох — электромонтер Пражского трамвайного парка. И что всю прогулку затеяли и провели редакции еженедельников «Неделя» и «Хало субота» — приложений к газетам «Известия» и «Руде право».

НА СНИМКАХ:

- Здравствуй, моя злата Прага!
- «Ты Йозеф, и я Йозеф».
- У нового Дворца культуры.
- Швейк записывается в строители.
- «Если бы это происходило когда-то, собачка, я перекрасил бы тебя и продал как сенбернара...».

* Здесь и далее курсивом — цитаты из «Похождений бравого солдата Швейка».